

Надежда Тэффи

Жена

Часть сборника
О любви (сборник)

Надежда Тэффи

Жена

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3745455
О любви / Тэффи: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-46278-0

Аннотация

«„Надо работать, надо спешить...“ – думал Алексей Иваныч, с тупым любопытством разглядывая свою рваную войлочную туфлю, из которой сбоку вылезала красная суконка.

„Почему они внутрь вшили красную суконку? Для красоты, что ли?.. О чем я думал? Ах, да: надо работать, надо спешить...“»

Надежда Тэффи

Жена

«Надо работать, надо спешить...» – думал Алексей Иванович, с тупым любопытством разглядывая свою рваную войлочную туфлю, из которой сбоку вылезала красная суконка.

«Почему они внутрь вшили красную суконку? Для красоты, что ли?.. О чем я думал? Ах, да: надо работать, надо спешить...»

В дверь быстро, коротко стукнули:

– Алексей! Завтракать!

Значит, все утро уже прошло... И ничего не сделано. Ничего-го!

Он вздохнул и вышел в столовую. Сел за стол. Не глядя, видел короткие пухлые руки, подвигавшие к нему нож, вилку, хлеб.

– Работал?

Вот оно, самое неприятное.

– Как тебе сказать... Очень уж плохо спал сегодня.

– Не надо было вечером кофе пить. Ведь знаешь, что не надо, а пьешь.

Она поставила перед ним тарелку с куском жареного мяса, твердо, упруго блестящего, как кусок футбольного мяча.

– Бифштекс.

Алексей Иванович уставился на бифштекс так же тупо, как

только что смотрел на войлочную туфлю.

– Чего же ты? – спросила жена.

– Гм... Бифштекс. А не найдется ли у тебя чего-нибудь другого? Вроде печенки, что ли.

– Печенки в рот не берешь. Ешь бифштекс.

– Гм... Пожалуй, это верно. Только, видишь ли, я, говоря про печенку, подразумевал что-нибудь вроде макарон или спаржи...

– Ешь бифштекс, – искусственно спокойно отвечала жена. – Ты любишь бифштексы.

Он покосился на нее. Увидел пухлые, вялые щеки, упорно сжатый рот и опущенные глаза. Сердится.

Он вздохнул.

– Да? Люблю? Ну ладно. Если люблю, буду есть. Только отчего он такой голый и черный... как негр?

И сейчас же испуганно прибавил:

– Впрочем, он отличный, отличный.

Пилил упругое мясо тупым железным ножом, смотрел на противный розовый сок, сочившийся из надреза, и, преодолевая тошноту, вяло думал:

«Надо работать. Как странно, как тяжело спит душа...»

– Советую тебе после завтрака сразу сесть к роялю и сочинять, – сказала Маня. – Не забудь, что в три часа придет француз из газеты, а в четыре ученик.

Алексей Иванович молчал.

Жена заговорила снова, и голос ее задрожал:

– Что... есть надежда, что ты к четвергу закончишь ноктюрн?

Алексей Иванович покраснел:

– Ну разумеется. Времени бездна. Главное, ты не волнуйся... И отчего ты ничего не ешь?

– Не хочется. Я с удовольствием выпью кофе.

Она встала и подошла к буфету, повернувшись к мужу спиной. Потрогала на буфете чашки и снова села. Ясно было, что просто спрятала на минутку свое лицо. Что это значит? А ведь, пожалуй, у них просто денег нет...

«Я насильно ем бифштекс, от которого меня тошнит, а она сидит голодная, – подумал он. – А если заговорю, начнет раздражаться. Да и нет сил заговорить...»

– Не забудь побриться, – говорила жена. – И переоденься, нельзя же так. А сейчас иди и сочиняй. Помни, что нотный издатель велел к четвергу, иначе ноты к концерту не успевают и тебе же будет хуже. В четверг, как пойдешь к нему, заодно можешь там сняться рядом в фотографии. Ты не сердись на меня. Надо же, чтобы кто-нибудь обо всем этом подумал.

Он поднял на нее глаза. Какая она усталая. Губы совсем голубые... Надо сказать ей что-нибудь ласковое:

– Манюся! Какая у тебя славная кофточка! Очень тебе идет.

Она посмотрела на него даже с каким-то ужасом:

– Эта кофточка. Да я ее ношу второй год. Бумазейная

рвань. Что, ты ее сейчас только заметил, что ли?

– Нет... нет... я только хотел в том смысле, что ты вообще умеешь одеваться. Ну, я иду заниматься.

В салончике было холодновато, и черный лак пианино блестел официально, жестоко и требовательно. Исчирканные листы нотной бумаги оползнями свисли с крышки.

Алексей Иванович запер поплотнее дверь, шумно двинул табуретом, взял несколько совершенно к делу не относящихся аккордов и затих.

Вот здесь, в этих пачках, его ноктюрн, который он должен закончить. Да. Закончить. Но сегодня он не сможет дотронуться до него. Не может проиграть, услышать, войти в этот мир, который он, как Бог, создал из ничего. Там пение звезд, и взлеты серебряных крыльев, и холодное небо, льющее из золотой чаши лунное вино, мертвое и страстное.

Человек в этот мир входит трепетно, весь отрешенный, белый-белый, идет медленно, не помня, не зная, ощупью... И вот есть момент, когда звук, созвучие, созвучное не только звукам, составляющим его, но и тому неизъяснимому мелодийному колебанию, которое «ноет», поет в самой неосознанной глубине, возьмет и поведет и уведет... Господи.

– Я тебе не помешала?

Жена приоткрыла дверь.

– Я только хотела сказать, что все ноты с полу я положила сюда, наверх. Может быть, ты их как раз и ищешь...

Ушла.

Сердце заколотилось с перебоями...

Да. Нужно работать.

Если бы здесь был диванчик, можно было бы прилечь на минутку... Хотя она может войти... Бедная Маня!

* * *

Маня убрала посуду, вымыла в кухне пол. Посмотрела в ужасе на свои руки.

– Ручки, ручки, гордость моя...

И тут же строго одернула себя:

– Все равно. Ничего не жаль. За все слава Богу, лишь бы он, Алеша...

Теперь, значит, нужно привести себя в порядок. Придет француз из газеты. Нужно, чтобы беседа появилась до концерта в Лондоне, чтобы легче было получить аванс. Да. Аванс. Купить фракную рубашку, лакированные башмаки... Что бы он делал без меня? Совсем несмышлениш.

Вспомнила, как он похвалил ее грязную кофту, засмеялась, и тихое умиленное тепло обволокло душу.

– Маленький ты мой, глупый ты мой! Грубо я с тобой сегодня говорила... Да что поделаешь. Измучилась я. От бедности все это, маленький мой. И пусть измучилась: пусть облик человеческий потеряла, лишь бы тебе помочь хоть как-нибудь.

Захотелось взглянуть на него.

Он сидел у пианино, низко опустив голову, закрыв глаза.

– Алеша! Испугала? Чего ты так все горбишься? Ты и на эстраде всегда согнешься, как карлик. Пластрон этот самый крахмальный колесом выпрет и коленкор наружу тянет. Сидишь, как горбун. Смотри – Рахманинов как красиво сидит, а он длинный, ему труднее...

Алексей Иванович молча смотрел на нее непонимающими тусклыми глазами.

– Чего ты? Устал? А знаешь: по-моему, этот твой ноктюрн будет прямо замечательный. Я бы только на твоём месте играла его гораздо громче. Публика любит, когда громко играют. Могущественно. И еще ужасно любит публика колокола. Громко на басах и колокола. Все всегда потом в антракте хвалят. И еще хорошо, если очень тоненькое пиано... Понимаешь – они все считают, что это очень трудно и что именно это надо хвалить. Уж ты мне верь. Я в антрактах все разговоры подслушиваю. Что тебе стоит – пусти им колокола.

Алексей Иванович все так же бессмысленно молчал.

В передней затрещал звонок.

– Боже мой! – вскочила Маня. – Француз пришел! Беги скорее в спальню... Башмаки... Пиджак...

Вошел приятный молодой француз. С восторгом и благоговением окинул взором два рваных кресла и пианино. Остановил взор на портрете Чайковского и, понизив голос, спросил:

– Достоевски?

Маня торжественно предложила сесть. Села сама, заложив юбку складкой на масляном пятне и прикрыв шарфиком дыру на блузке.

– Муж сейчас выйдет.

– О! О! Маэстро, наверное, работает, – застонал француз.

Но маэстро сейчас же выскочил.

«Так и не переделся», – вздохнула Маня.

Опустила глаза и замерла: на одной ноге у маэстро был желтый башмак, на другой лопнувший лакированный.

Алексей Иванович сел и от смущения очень непринужденно заболтал лакированной ногой.

– Мосье много работает? – деловито нахмутив бровь, спрашивал француз.

Алексей Иванович добродушно усмехнулся и стал чесать за ухом, готовясь к откровенному признанию.

Но Маня не дала ему времени.

– Очень, очень много, – отвечала она. – У нас сейчас масса работы... Заказы из Вены, из Нью-Йорка.

Алексей Иванович смотрел на нее в ужасе. Француз безмятежно записывал в книжечку.

– Масса работы, – делая вид, что не замечает взгляда мужа, продолжала Маня. – Да, да... и задумана большая опера... К ней приступят летом, на юге... Тема? Современная. Только это пока секрет. Переговоры ведутся с Америкой...

– Маня! Что же это за брехня? – робко по-русски прошептал Алексей Иванович. – Нельзя же так...

– Убедительно прошу не мешать. Все так делают...

– Чьим учеником считает себя маэстро? – спрашивал француз.

– Ничьим! – гордо отрезала Маня. – Он самобытный. Он говорит: у меня учатся, а мне учиться не у кого и нечему.

Алексей Иванович набрал воздуха, втянул губы и со стоном выдул:

– Уф-ф-ф!

– Любимый автор мосье?

– Э-э-э... Дебюсси! – отчаянно неслась Маня. – Дебюсси.

Молчи и не перебивай. Для французов нужно, чтобы ты любил французскую музыку. Молчи.

– А из русских авторов?

– Мусоргский. Молчи. Французы больше всего уважают Мусоргского.

* * *

Сразу после француза пришел ученик. Алексей Иванович уныло смотрел на художкего мальчишку, унылого, уши лопухом, и думал решительно и горько:

«Я подлец. Если бы я был честным человеком, я сегодня же пошел бы к его маменьке и сказал бы: маменька, ваш сын безнадежно бездарен, поэтому считайте, что я три раза в неделю залезаю в ваш карман и краду у вас по тридцать франков. Три раза... Раз, два, три, раз, два, три...»

– Что это вы играете? – очнулся он. – Что за брехня! На сколько делится?

– На четыре четверти, – уныло протянул ученик.

– Так зачем же вы считаете на три?

– Это вы считаете, – робко ответил тот.

– Я? Форменное идиотство... Кстати, вы разве любите музыку?

– Мама любит.

– Может быть, лучше бы она сама и играла...

* * *

Ушастый мальчик ушел. Хорошо бы прилечь... Но Мане будет обидно. Ей всегда кажется, что он валяется в те часы, когда мог бы «творить». А никогда не поймет, что именно в те часы, когда творить не может...

– Маня, кажется, у меня этот урок сорвется. Мальчишка бездарен.

– Да тебе-то что? Хочет учиться, так и пусть.

– Нет, я так не могу. Это мне тяжело.

Она опустила голову, и он видел, как задрожало ее лицо.

– Маня! – крикнул он. – Только не плачь! Голубчик! Я на все согласен, только не плачь.

Тогда она, видя, что все равно слез уже не спрячешь, громко охнув, повалилась грудью на стол и зарыдала.

– Тяжело! Ему тяжело!.. Мне очень легко! Я молчу... я

все отдала... Разве я женщина? Разве я человек? Отойди от меня! Не смей до меня дотрагиваться... Не за себя мучаюсь – за теб-бя-а! Ведь брошу тебя – на чердаке сдохнешь! Уйди-и!

– Милая... Милая!.. – мучился он. Топтался на месте, не знал, что делать. – Милая... Ты успокойся. Ну, хорошо, я уйду, если тебе мое присутствие... и немножко пройдусь...

Она оттолкнула его обеими руками, но когда он был уже на лестнице, она выбежала и, свесившись через перила, прокричала:

– Надень кашне! Ненавижу тебя... Не попади под трамвай.

* * *

Был вечер ясный и радостный, не конец дня, а начало чудесной ночи.

Алексей Иванович закинул голову и остановился.

– Умрешь на чердаке... – прошептал он, подумал и улыбнулся. – Собственно говоря, так ли уж это плохо?

Он повернул лицо прямо к закатному пламенно-золотому сумраку, вдруг запевшему, загудевшему для тайного тайных души его таким несказанно блаженным созвучием, что слезы восторга выступили на глазах его.

– Господи, Господи! Бедная ты моя, милая... Так ли уж это плохо?